

Прихожую и кухню в квартире Юй Сьюаня разделяла лишь тонкая стена. Да еще как назло, из-за его любви к европейской кухне планировку сделали полуоткрытой — никаких дверей.

Целующиеся парни так и застыли. Вздвогнув, они одновременно обернулись на звук и оцепенели: в дверях стояла женщина, ошеломленно глядя на представшую картину. А посмотреть было на что: Юй Сьюань все еще сжимал Цзи Яо за бедра, пока тот висел на нем, обхватив ногами его талию.

Юй Сьюань лишился дара речи.

Цзи Яо онемел от шока.

Женщина тоже застыла истуканом.

«Твою ж дивизию...» — пронеслось в головах у обоих.

Цзи Яо дернулся было вниз, но нежданная гостья отреагировала быстрее. Нацепив фальшивую улыбку, она примирительно подняла руки:

— Ой, да я просто домработница! Кое-что забыла, зашла забрать. Ничего страшного, дело житейское, в другой раз зайду. Вы продолжайте, продолжайте, не отвлекайтесь!

Пятясь, она достигла до выхода, резко развернулась, пулей вылетела в коридор и с грохотом захлопнула за собой дверь. Только ее и видели.

Цзи Яо наконец спустился на землю. Потирая занывшие от напряжения виски, он со стоном спросил:

— Что это за тетушка? Твоя мама?

Губы Юй Сьюаня дрогнули в горькой усмешке:

— Все гораздо хуже. Это мать моего двоюродного брата, моя старшая тетя. Все, нам хана.

Цзи Яо мгновенно переменился в лице:

— Та самая тетушка, которая раструбила всей родне, что ее шестнадцатилетний сын обмочился во сне?

Юй Сьюань устало потер переносицу:

— Ага. Именно она.

У Цзи Яо потемнело в глазах.

Здесь стоит сделать небольшое отступление и пояснить, в чем же соль этой семейной легенды.

Как-то раз Юй Сьюань жаловался Цзи Яо на своего двоюродного брата — какого-то там Цютуна, с которым они, несмотря ни на что, были очень близки. Братец этот с самого детства отличался ядовитым языком, обожал строить из себя недостижимого гения и раздавать колкие щелчки по носу всем подряд. Но обиднее всего было то, что этот умник во всем превосходил Юй Сьюаня, доводя его своими успехами до белого каления.

Впрочем, когда кузену стукнуло шестнадцать, справедливость восторжествовала. В новогоднюю ночь вся многочисленная родня, которой до смерти надоел его высокомерный вид, объединилась в тайном заговоре. Вредного мальчишку дружно споили, и тот впервые в жизни мертвецки заснул.

Ну заснул и заснул — алкоголь на него подействовал мирно, кузен просто тихо отключился. Но надо же было случиться такому конфузу! На следующее утро заботливая мамочка пошла будить свое чадо и обнаружила, что ее идеальный сынок... намочил постель.

Вместо того чтобы прикрыть позор, тетушка неописуемо обрадовалась. Убедившись, что сын дрыхнет без задних ног, она тихонько прикрыла дверь спальни, развернулась к остальным родственникам, дремавшим вповалку в гостиной после вчерашнего побоища, и радостно заорала на весь дом:

— А мой-то описался!

И всё. Секрет перестал быть секретом для всей семьи.

После этого грандиозного разоблачения с кузена начисто сорвали маску идеальности и знатно по ней потоптались. С тех пор он больше не смел строить из себя недостижимого сноба в кругу семьи.

Цзи Яо, когда слушал эту историю, хохотал до колик в животе. Он еще тогда спросил: насколько же невыносимым нужно быть, чтобы родная мать устроила тебе такую подставу? Юй Сьюань тогда лишь напустил на себя загадочный вид и задал встречный вопрос:

— Знаешь, какие два типа людей заслуживают хорошей взбучки больше всего на свете?

Цзи Яо, давась смехом, покачал головой.

Юй Сыюань загнул два пальца:

— Первые — ехидные трепачи, вроде твоего лучшего друга. Вторые — заносчивые чистоплюи, вроде моего братишки.

Против такой логики Цзи Яо возразить не смог.

И вот теперь, вспомнив о выдающихся талантах этой чудесной женщины, Цзи Яо окончательно потерял покой. Он судорожно вцепился в край футболки Юй Сыюаня и с несвойственной ему паникой выдохнул:

— Слушай, может, наберешь ей? Попробай договориться, пусть хоть родителям твоим не рассказывает!

Парень настолько разнервничался, что даже не сообразил: тетушка, застукав их в столь недвусмысленной позе, без колебаний назвалась прислугой и велела «продолжать». Какая уж тут скрытность?

Юй Сыюань устало прижал ладонь ко лбу. Ситуация и правда складывалась дурацкая. Вообще-то он сам давно совершил каминг-аут перед близкими, и когда их отношения с Цзи Яо окрепли, всерьез подумывал привезти его домой. Но сколько он ни закидывал удочку, Цзи Яо каждый раз реагировал на тему знакомства с родителями очень болезненно. Приходилось действовать осторожно, шаг за шагом.

В этот раз он надеялся подловить момент, когда любимый будет в хорошем расположении духа, и мягко подтолкнуть его к этому шагу. Но после выходки любимой тети Цзи Яо перепугается так, что близко к его родне не подойдет.

«Ну и дела, черт возьми...»

А тем временем виновница переполоха, едва выскочив на улицу, тут же набрала номер своей младшей сестры — матери Юй Сыюаня. Стоило той ответить, как тетушка, победно прокашлявшись, выпалила:

— Сестрица, у Сыюаня-то его «тот самый» в гостях!

«Тот самый» — разумеется, бойфренд Юй Сыюаня. Семейный Волан-де-Морт, чье имя не называли вслух, но о существовании которого знали все без исключения.

Юй Сыюань в прежние времена знатно куролесил. После каминг-аута он годами не вылезал из сомнительных клубов, заставляя несчастных родителей пить валидол горстями и трястись от страха, как бы сыночек не подцепил какую-нибудь заразу. Лишь благодаря Цзян Цютуну, который по секрету поделился новостями, семья узнала, что бунтарь наконец-то остепенился и

завел постоянного партнера. Правда, шифровался Юй Сьюань виртуозно: родственникам удалось выяснить лишь то, что загадочный избранник — все еще студент.

Известие о том, что возлюбленный Юй Сьюаня прибыл в город Н, произвело эффект разорвавшейся бомбы в семейном чате. Дяди, тети и прочая многочисленная родня подняли такой переполох, что телефон Юй Сьюаня буквально разрывался от вибрации. Экран без конца вспыхивал новыми сообщениями: взбудораженные родственники требовали немедленно добавить новичка в чат для официального знакомства.

Родственников сложно было винить за такое любопытство. В свое время Юй Сьюань устраивал такие цирковые номера, что вся семья до сих пор вздрагивала при упоминании его личной жизни.

Цзи Яо со смесью ужаса и недоумения косился на лежащий на столе мобильник, который вибрировал так яростно, словно собирался взлететь.

Юй Сьюаню пришлось долго и ласково ворковать, чтобы успокоить вздыбившего шерстку Цзи Яо. Но даже когда тот перестал паниковать, все сладкие речи о том, какая у Юй Сьюаня понимающая и дружелюбная родня, разбились о каменное «нет».

И то верно — они ведь не собирались прожить вместе до глубокой старости. Зачем усложнять жизнь и тащиться на семейные посиделки? Глупость же несусветная.

Да и сама мысль о признании перед родителями вызывала у Цзи Яо глухой, непреодолимый внутренний протест.

Юй Сьюань умом понимал, что услышит отказ, но в глубине души все равно шевельнулась обида. Тихо вздохнув про себя, он ласково щелкнул парня по лбу и заверил, что уже отправил назойливую родню восвояси и волноваться совершенно не о чем.

Юй Сьюань держался непринужденно, однако от чуткого внимания Цзи Яо не укрылась тщательно спрятанная им досада.

Цзи Яо во всем любил баланс. Долги нужно отдавать — это его железное правило. И раз уж он не мог предложить Юй Сьюаню серьезное совместное будущее, оставалось компенсировать дефицит чувств старым проверенным способом — в постели.

Откинувшись на спинку дивана, Юй Сьюань смотрел сверху вниз на Цзи Яо, который пристроился у его ног. Большинство геев испытывали к мужскому достоинству почти религиозный трепет — в свои безумные годы Юй Сьюань повидал немало парней, готовых со слезами восторга молить о близости, лишь бы прикоснуться к нему.

Но только не Цзи Яо. Тот терпеть не мог заискиваний и уж тем более никогда не опускался на

колени без веской причины.

Вообще, Цзи Яо казался Юй Сьюаню клубком неразрешимых противоречий. Сначала это было незаметно, но со временем, пусть даже они виделись урывками, он начал понимать: этот парень уступает ему с какой-то пугающей, неестественной легкостью.

У любого человека есть свои капризы и привычки, и у любой, даже самой гармоничной пары неизбежно возникают разногласия. Но Цзи Яо каждый раз ухитрялся вовремя и мягко сделать шаг назад. А если уступить принципиально не мог — как в случае с родителями, — то обязательно находил способ загладить вину.

Всегда готов угодить, всегда доступен для компромисса.

Однажды он в шутку назвал их двумя половинками священного нефрита, созданными друг для друга. Юй Сьюань тогда и сам поверил в собственную красивую сказку. Вот только живые люди — не мертвый камень, откуда взяться этой идеальной, бесшовной стыковке?

Цзи Яо, увлеченный своим делом, так и не увидел горькой, самокритичной усмешки на лице Юй Сьюаня.

Вглядываясь в слегка напряженное лицо любовника, Юй Сьюань не выдержал. Он бережно, но властно потянул его за плечи вверх и опрокинул на мягкие подушки дивана.

Цзи Яо слишком долго постился, истосковавшись по близости каждой клеточкой своего тела. Яростный, ненасытный секс с Юй Сьюанем вымел из его головы последние мысли, подарив восхитительное ощущение легкости.

Наигравшись, Цзи Яо устроился поудобнее, положив голову на рельефный пресс Юй Сьюаня, и лениво принялся перебирать его пальцы. Тот тихонько рассмеялся и в ответ провел кончиком пальца по его ладони. Опытному обольстителю даже не нужно было садиться за руль, чтобы завести мотор — достаточно легкого прикосновения, и обороты уже зашкаливают.

Цзи Яо поспешно одернул руку, пока пламя не разгорелось вновь. В конце концов, каникулы только начались, и проводить все дни напролет в постели не входило в его планы. Спешно меняя тему, он спросил:

— Слушай, я все никак не решался спросить... Откуда у тебя на теле столько отметин?

На теле Юй Сьюаня действительно красовалось немало шрамов — и едва заметных ниточек, и глубоких полос. Цзи Яо никогда не лез с расспросами, справедливо полагая, что у каждого есть свое прошлое. Но сегодня, растроганный событиями безумного дня, он все-таки поддался любопытству.

Юй Сыюань задумчиво потер подбородок, хитро прищурившись:

— О-о, мои откровения стоят дорого. Какую награду господин готов предложить своему преданному рабу?

Цзи Яо так и прыснул. Подыгрывая любовнику, он шутливо ущипнул его за нос:

— Ах ты, дерзкий холоп! Какая еще награда, плеткой по спине захотел?

Они еще немного подурачились, пока усталость окончательно не взяла свое. Цзи Яо, переживший за день долгую дорогу, внезапный набег родственницы и марафон в постели, буквально валился с ног. Поболтав еще немного ни о чем, они обменялись ленивыми поцелуями перед сном, и глаза у него начали закрываться сами собой.

Засыпая, он вяло подумал о том, что Юй Сыюань только что как-то подозрительно легко съехал с темы.

Но сон сморил его раньше, чем он успел ухватиться за эту ускользающую мысль.

Впрочем, винить обычно чуткого парня в излишней доверчивости не стоило. К Юй Сыюаню он испытывал глубокое, почти инстинктивное доверие. Точно так же, как Юй Сыюань не сомневался в его верности, Цзи Яо верил, что партнер чист перед ним на все сто процентов.

В его представлении не существовало тайн: если бы он захотел о чем-то узнать, Юй Сыюань рассказал бы ему все сам, без всяких недомолвок.

Не будь он сегодня так измотан, он непременно заметил бы, как виртуозно и непринужденно его возлюбленный умеет обходить острые углы.

На следующий день они проснулись глубоко за полдень. Быстро приведя себя в порядок, Юй Сыюань потащил сонного любовника на улицу: завтра наступал Новый год, и следовало запастись праздничными покупками для создания атмосферы.

Цзи Яо, завернувшись в одеяло как гусеница, катался по матрасу и наотрез отказывался вылезать. Юй Сыюань с минуту молча разглядывал эту картину, а затем с самым невозмутимым видом принялся расстегивать рубашку.

Цзи Яо в ужасе вытаращил глаза:

— Да ты издеваешься! Опять?!

Они любили друг друга перед сном, потом посреди ночи, сквозь сон, затем сразу после пробуждения и напоследок — в душе. Цзи Яо выполз из ванной на ватных ногах, искренне сомневаясь, что сможет перешагнуть порог комнаты.

Юй Сьюань ослепительно улыбнулся:

— Раз уж ты приехал ко мне, я обязан окружить тебя заботой и вниманием, — и с этими словами он решительно потянул край одеяла на себя.

Цзи Яо поспешно капитулировал, признавая полное поражение. Перед неумным аппетитом Юй Сьюаня оставалось только снять шляпу. Как бы Цзи Яо ни гордился своей мужественностью, в этих делах его партнер оказывался куда более грозным бойцом.

Климат в городе Н оказался суровым. Цзи Яо, не привыкший к такому морозу, кутался как полярник. Едва выйдя на улицу, он скупил весь зимний арсенал: теплую шапку, плотный шарф, перчатки и защитную маску на лицо. Поверх своего пальто он натянул огромный пуховик до самых пят, превратившись в бесформенный кокон.

Юй Сьюань не выдержал и покатился со смеху:

— Ну и чучело! Неужели так холодно?

Сам он щеголял в легком сером пальто классического кроя и небрежно наброшенном темном шарфе в клетку, выглядя невероятно стильно и щеголевато.

Цзи Яо сердито зыркнул на него из-под груды шерсти и шумно шмыгнул носом:

— Тебе легко говорить, сибиряк недоделанный.

Заметив, что голос у парня осип и он заговорил в нос, Юй Сьюань перестал улыбаться. Обеспокоенно потрогав его лоб через капюшон, он предложил вернуться в тепло.

Но Цзи Яо уперся рогом. Раз уж он умудрился подхватить простуду, возвращаться обратно, купив лишь дурацкую шапку с перчатками, было бы верхом несправедливости! Он требовал продолжения банкета.

Наградив любовника красноречивым взглядом и показав ему средний палец, он целеустремленно рванул к витрине с теплыми сапогами. Плевать на моду и изящество — сугробы на тротуарах вымахали чуть ли не по колено, и Цзи Яо уже перестал чувствовать собственные пальцы на ногах.

Юй Сьюань лишь с улыбкой покачал головой и поспешил следом.

Торговый центр, куда они забрели, был самым популярным в городе Н. И по чистой случайности в это же время там прогуливался Цзян Цютун, покорно таскавший пакеты за своей матушкой. Лениво скользнув взглядом по толпе, он вдруг заметил знакомую фигуру Юй Сьюаня, исчезающую в дверях обувного магазина.

— Ого, — протянул он.

Мать Цзян тут же проследила за направлением его взгляда. Зрение у нее оказалось даже острее, чем у сына: сквозь сверкающее стекло витрины она мгновенно выхватила две оживленно жестикулирующие фигуры.

Схватив сына за рукав, она заговорщицки зашептала:

— Цютун, гляди-ка! Там впереди не твой ли братец со своим... ну, этим самым?

Цзян Цютун внимательно присмотрелся к кокону из пуховика, стоявшему рядом с его кузеном, и многозначительно изогнул бровь.

Фантазия автора

Как-то раз после бурной ночи Императрица Юй почивал в покоях Его Величества. Слово за слово, они принялись делиться забавными историями из детства. Заметив неподдельный интерес на лице Императора, Императрица разомлел и возьми да и выложи самый постыдный секрет Добродетельной наложницы Цзян.

— У моей тетушки язык без костей, — шептала она на ухо повелителю. — И ладно бы она только про чужих болтала, так ведь над собственным сыном издевалась еще похлеще! В нашей семье нет ни единой живой души, которая бы не знала обо всех его детских позорах.

В глазах Императора вспыхнул опасный огонек:

— О-хо-хо, неужели?

Наивная Императрица Юй, не почуяв подвоха, продолжила:

— Да взять хоть случай, когда ему шестнадцать стукнуло. Напился он как-то раз и намочил постель. Так на следующее утро он еще и глаза продрать не успел, а об этом уже судачил весь

замок! С перепугу даже вызвали нашего двоюродного деда, главного придворного лекаря, — побоялись, уж не страдает ли бедняга от опасного дефицита янской энергии.

Император едва не лопнул от смеха. Едва покинув покои супруга, он напрямик направился в покои Добродетельной наложницы Цзян:

— Любимый мой, до ушей наших дошли весьма тревожные слухи. Поговаривают, у тебя столь сильное истощение янской энергии, что в шестнадцать лет ты все еще не мог удержать... влагу во сне?

Добродетельная наложница Цзян, бережно хранивший маску благородного бессмертного, на миг лишился дара речи:

—...

Затем он вкрадчиво улыбнулся:

— Действительно ли я так слаб, Вашему Величеству будет сподручнее проверить на собственном опыте.

Император с готовностью согласился на эксперимент, а наутро горько рыдал, будучи не в силах даже пошевелиться. Уж не знаем, мочил ли Добродетельная наложница Цзян простыни в юности, но Его Величество в эту ночь точно пролил немало слез.

Нежно убаюкав вконец измотанного монарха, Добродетельная наложница Цзян взял в руки увесистую бамбуковую розгу и неторопливой, исполненной грации походкой направился напрямик к дворцу Императрицы.

В конце концов, основы наук младшему кузену преподавал именно он. А долг любого хорошего учителя — вовремя проучить нерадивого ученика и переломать ему ноги за длинный язык.

<http://bllate.org/book/20554/2132446>